

Атмосфера: Вечер проходит в московском политехническом музее, во время “баттла” Маяковского и Северянина

Поэты (если поэта нет в дне, то за него прочитает “актёр”):

Северянин (“Весенний день”)

Маяковский (Отрывок из “Облаков в штанах”)

Кручёных (“Дыр бул щыл” и “Смерть художника”)

Бурлюк (“ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА...”) ТАНЯША

Свои выступления футуристы называли «поэзоконцертами» или «стихобойней». Первым на сцену вышел Маяковский в черном костюме и с хлыстом в руках. Он обратился к зрителям: «Милостивые государыни и милостивые государи! В каждом городе, куда бы ни приехали футуристы, из-под груды газетной макулатуры выползает черная критика, утверждающая, что за раскрашенными лицами у футуристов нет ничего, кроме дерзости и нахальства, и что во всех скандалах российских литературных кабаков виноваты только футуристы. Это неверно. В лице футуристов вы имеете носителей протеста против шаблона, творцов нового искусства и революционеров духа. Как недоваренное мясо застряла в зубах нудная поэзия прошлого, а мы даем стихи острые и нужные, как зубочистки»

Первыми выступают актёры, читают за Кручёных и Бурлюка

Крученых, “Дыр бул щыл”

Дыр бул щыл

убеш щур

скум

вы со бу

р л эз

“Смерть художника”

привыкнув ко всем безобразьям

искал я их днём с фонарём

но увы! все износились проказы

не забыться мне ни на чём!

и взор устремивши к бесплотным

я тихо, но твердо сказал:

мир вовсе не рвотное —

и мордой уткнулся в Обводный канал...

Бурлюк, “Плати — покинем НАВСЕГДА...”

ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА уюты сладострастья.

ПРОКИСШИЕ ОГНИ погаснут ряби век

Носители участия

Всем этим имя человек.

Пускай судьба лишь горькая издевка

Душа — кабак, а небо — рвань

ПОЭЗИЯ — ИСТРЕПАННАЯ ДЕВКА

а красота кощунственная дрянь.

Маяковский зачитывает положения из “Пощёчины общественному вкусу”:

“Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности.

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот? Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимумам Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. – нужна лишь дача на реке. Таковую награду дает судьба портным. С высоты небоскребов мызираем на их ничтожество!

Мы приказываем чтить права поэтов:

- 1) На увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово-новшество).
- 2) На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.
- 3) С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный Вами Венок грошовой славы.
- 4) Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших «Здравого смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.”

Д.Бурлюк, Алексей Крученых, В.Маяковский, Виктор Хлебников

Москва, 1912. Декабрь

Северянин выходит к Маяковскому

Северянин: Всё, хватит! Я не хочу больше поддерживать нападки на старую литературу! Я буду выступать отдельно!

“Позор стране, поднявшей шумы

Вкруг шарлатанов и шутов!

Ослы на лбах, «пьеро»-костюмы

И стихотомы... без стихов!” (Поэза истребления)

Маяковский: А вы то поэт! И как вы свои женоподобные, надушенные стишки, что читаете нараспев, называете поэзией?

Северянин: А вы то судья?

Маяковский: Не верите мне, так спросите у любого! (В зал) Так кто же король поэтов? Будьте же с нами честны!

Критик: Ну точно не Северянин, кто же молчаливой публике напевает мотив из Амбруаза Тома?! Безусловно Маяковский, голос правды, будущего!

Гиппиус: Маяковский противен, но не без значения.

Критик: Да как же Маяковский!? Жалкий приспособленец, что лишь угождает желаниям новых хозяев! А вот Игорь Северянин-поэт с чистой душой.

Цветаева: Романтизм, идеализация, самая прекрасная форма чувственности, сравнимая с рукопожатием – слишком долгим и поцелуем – слишком лёгким, – вот что такое Игорь Северянин

Гиппиус: Северянин-подражательный, слабый поэт, обезьяна.

Критик: Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринять иначе как желание скандала или как ни с чем не сравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкой, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства.

Ахматова: А про стихи мои он говорит только “Не то, не то...” Вот только, не смотря, что выскочка, всё равно главный соперник Маяковского!

Критик: Оба они далеко не короли! Футуристы-пародия на настоящих поэтов, в чём же прок от стихов, что никто кроме них понять не может, не нужно нам такое будущее!

Северянин: Я требую честного голосования! Вы расскажете очередной свой хамский стих, а я зачитаю свой. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

Маяковский: Пусть будет так! А кто начнёт? Или страшитесь?

Северянин: Вас?! Ни в коей мере!

Северянин выходит в центр, Маяковский уступает с характерным жестом, публика улюлюкает

Северянин, “Ещё не значит...”

Ещё не значит быть изменником –
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым...
Ходить в театр, в кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нежного и доброго
Вложить к любимому в письмо.
Пройтись по Морской с шатенками,
Свивать венки из кризантэм,
По-прежнему пить сливки с пенками
И кушать за десертом крем –
Ещё не значит... Прочь уныние
И ядовитая хандра!
Война – войной. Но очи синие,
Синеите завтра, как вчера!
Война – войной. А розы – розами.
Стихи – стихами. Снами – сны.
Мы живы смехом! живы грёзами!
А если живы – мы сильны!
В желаньи жить – сердца упрочены...
Живи, надейся и молчи...
Когда ж настанет наша очередь,
Цветы мы сменим на мечи!

Хлопают Блок, Цветаева, критики

Маяковский, отрывок из “Облаков в штанах”

“Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!
Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»
И эту секунду,
бенгальскую,
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...
А из сигарного дыма
ликерную рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.
Как вы смеете называться поэтом

и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!"

Хлопают Гумилёв, Мандельштам, Есенин и Гиппиус (но без особого энтузиазма, так типично "Хлоп...хлоп...хлоп), Ахматова максимум сидит и головой качает, меньше критиков хлопают

Две стороны стола, на которые надо положить бумажку. Налево-Маяковскому, направо-Северянину.

Маяковский с азартом наблюдает за голосованием и говорит друзьям: "Только мне кладут и Северянину! Мне налево, ему направо." Голосуют только поэты и критики, в это время в музей врывается пьяный Есенин.

Есенин: Короли..короли...Он король, вы король!

Северяннин: А кто пустил сюда деревенского алкоголика?

Есенин: Я?! Я не алкоголик! Я...я поэт, Сергей Есенин! Я вам зачитаю...КХМ..Вы помните? Вы..

Северяннин (перебивает): Выведите пожалуйста Сергея подышать свежим воздухом!

Маяковский: Ну что ты, Игорь, пусть читает!

Северин: Бог с вами..

Есенин: Так вот:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей бытие
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянии...

(Письмо к женщине, отрывок)

Критик любой: Итоги голосования! *Объявляет победу Северянина*

В любом случае побеждает Северянин

Северянин, “Ретракт короля” (отрывок)

“Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.
Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.
Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам...”

Есенин

3. Знакомство с Дункан

На одном из приёмов, организованных в её честь, Айседора Дункан познакомилась с Сергеем Есениным. Будучи за границей со своей женой Есенин заводил много новых знакомств, встречался с русскими эмигрантами. Результатом знакомства Есенина с А. Дункан и их путешествия по Европе стал цикл "Москва кабацкая". В нём сразу ощущается резкая смена интонаций, словаря, самого стиля обращения к женщине (не говоря уже о создаваемом женском образе), всей структуры и мелодии стиха. Как будто перед нами строки другого поэта. Дергающийся ритм, речитативный язык, вульгарная лексика, озлобленный цинизм - всё это ничем не напоминает той нежности, поэтичности, временами даже сказочности, которые звучали в его прежних стихах о любви. Здесь любовь низведена до плотского чувства, женщина обезображена, сам герой деморализован, и его прерываемая буйством тоска лишь в самом конце сменяется ноткой жалостливого раскаяния. Любовь больше не праздник сердца, она приносит человеку гибель, она губит его, словно чума:

Не гляди на её запястья
И с плечей её льющийся шёлк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашёл.
Я не знал, что любовь - зараза,
Я не знал, что любовь - чума.
Подойшла и прищуренным глазом
Хулигана свела с ума.

"Пой же, пой. На проклятой гитаре" (1922)

Так бы и потонуло это всё в пьяном угаре, в дикой музыке грубых страстей и жестоких оскорблений, если бы не порывы чистой душевности, не пронзительные нотки раскаяния, которые слышатся почти в каждом из звеньев "кабацкого" цикла.

4. Психушка

С 13 декабря 1923 г. по двадцатые числа марта 1924 г. в биографии С. Есенина отмечается как «больничный период». За это время поэт прошел лечение и медицинское освидетельствование в четырех клиниках. Есенин для больных и медперсонала санатория читал стихи. «Все очень хотели послушать стихи Есенина, — вспоминал Ф. Гущин. — Поэта не пришлось долго упрашивать, ему и самому чтение стихов доставляло большое эстетическое удовольствие.»

Подружился С. Есенин и с пионерами, которые, навещая больных, устраивали детские концерты. Он поддерживал начинающих юных поэтов, на их тетрадках ставил свою подпись «Сергей Есенин». Особенно Есенину понравилась пионерка Марина Ивановская. Ей он 19 января 1924 г. написал стихотворение «Как должна рекомендоваться Марина...».

Цветаева

3. Смерть дочери (перед этим их жизнь в бедности), переезд в Берлин, а затем в Прагу. Роман по переписке с Пастернаком.

Положение очень плачевное, денег не хватает, и, чтобы спасти детей от голода, поэтесса решает на отчаянный шаг — отдаёт их в приют. Девочки там болевают, и мать забирает Ариадну, старшую дочь и любимицу, домой. Младшая дочь, Ирина, через какое-то время умирает в приюте.

Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя — мир,
В наследье — лазурь.
Отыйди, отыйди. Враг!
Храни, Троиединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

С 1922 года всё семейство — Цветаева, её муж и дочь — проживает за границей. Там рождается сын Георг, а денег становится всё меньше и меньше.

«Стихов я почти не пишу, и вот почему: я не могу ограничиться одним стихом — они у меня семьями, циклами, вроде воронки и даже водоворота, в который я попадаю, следовательно — и вопрос времени... А стихов моих, забывая, что я — поэт, нигде не берут, никто не берёт — ни строчки».

Пастернак в 1922 году, прочитав «Версты» Цветаевой, пришел в восторг.

Он написал об этом в Прагу, где она в тот момент жила с мужем, Сергеем Эфроном, бежавшим от революции и красного террора. После они продолжили писать друг другу письма, в которых Пастернак не раз признавался Марине в любви. Цветаева посвятила Пастернаку около семи стихов.

Рас — стояние: версты, мили...
Нас рас — ставили, рас — садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.
Рас — стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это — сплав
Вдохновений и сухожилий...
Не рассорили — рассорили,
Расслоили...

Стена даров.
Расселили нас как орлов —
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас как сирот.
Который уж, ну который — март?!
Разбили нас — как колоду карт!

4. Переезд в Париж. Жизнь там.

Марина была не в восторге от Чехии, она не разделяла взгляды чехов на искусство и культуру, её влекла уже иная страна. Париж в эти годы был центром литературной жизни эмигрантов. Цветаева уже издавалась в газетах и журналах, что выходили во Франции, — её имя было известно в Париже.

— Переезд! —
Не жалеите насиженных мест!
Через мост!
Не жалеите насиженных гнезд!
Так флейтист, — провались, бережливость!
— Перемен! —
Так павлин
Не считает своих переливов...

Цветаева вместе с мужем писала для нескольких журналов: «Своими путями», «Благонамеренный» и «Версты».

Цветаева мечтала о тишине и одиночестве для работы, поэтому в апреле 1926 года она с семьей перебралась на полгода в небольшую деревню в Вандее.

Хоть бы закут —
Только без прочих!
.....
Для тишины —
Четыре стены.

Блок

3. Работа в комиссии по делам бывших царских министров

Работа А. Блока в комиссии привела поэта к мысли о том, что деятельность Временного правительства бесполезна. Чиновники, допросы которых вела Комиссия, в представлении Блока оказались той самой безответственной властью. Эти размышления и выводы имели для самоопределения Блока исключительное значение, можно привести целый ряд мелких и крупных цитат из стихов и прозы, прямо вытекающих из этих размышлений: например, слова Блока о «дорогой памяти трупа», которую чтут «толстопузые мещане», в незаконченном стихотворении «Русский бред» (1918–1919):

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почтить,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся тупо

Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа...

4. Соглашение с советской властью, отказ от эмиграции, назначение Блока на множество должностей, творческое молчание и "меня выпили"

Поэт встретил Февральскую и Октябрьскую революции со смешанными чувствами, но отказался от эмиграции. В знаменитой поэме «Двенадцать» он пытался осмыслить Октябрьскую революцию через призму метафор. Произведение получилось неоднозначным и не смогло раскрыть конкретное отношение Блока к происходящему в стране.

Советская власть активно использовала влиятельное имя Блока в своих целях, назначая его на многие должности в различных государственных организациях. Зачастую сам поэт не знал о новых назначениях, но по понятным причинам не мог перечить власти и постепенно обрастал огромным объемом работы.

Отсутствие отдыха значительно подкосило здоровье Блока: обремененный ответственностью за порученные ему дела, поэт не имел возможности расслабиться. Свое состояние того периода он описывал словами «меня выпили».

«Почти год как я не принадлежу себе, я разучился писать стихи и думать о стихах...» — жаловался Блок в частном письме, написанном в 1919 году.

Ахматова

3. Революция и расстрел Гумилева, запрет печати

В 1921 году Гумилева арестовали, а затем расстреляли — поэта обвинили в причастности к контрреволюционному заговору. Год потрясений и утрат стал плодотворным для поэтического творчества Ахматовой. В апреле 1921 года вышел сборник стихов «Подорожник», а в октябре — книга «Anno Domini MCMXXI» (в переводе с латинского — «В лето господне 1921-го»). С середины 20-х годов новые стихи Ахматовой перестали печатать, а старые не переиздавали. В то время поэтесса начала увлекаться архитектурой старого Петербурга и творчеством Пушкина. Впервые в творчестве Ахматовой появилась тема конца эпохи и выявилась — пронзительно и горестно — мелодия тягостных предчувствий, ощущение некоей приближающейся катастрофы. Вся образная, символика стихотворения (саван, колокола, смертельный сон, мертвенность и немота) свидетельствует, что речь идет о событиях общего смысла — о времени, о трагичности эпохи, о судьбе России. Разумеется, прямо об этом не сказано, но и образность, и мелодика стихотворения говорят именно об этом. Можно сказать, что в стихотворении "Первое возвращение" уже видны истоки будущей гражданской лирики Ахматовой — от инвективы "Мне голос был. Он звал утешно..." до "Реквиема".

*На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.*

Осип Брик поставил на голосование предложение Маяковского: запретить Анне Ахматовой на три года писать стихи «пока не исправится», большинство простым поднятием рук поддержало Маяковского.

В 1939 году поэтессу приняли в Союз советских писателей. Перед войной вышел шестой сборник Ахматовой — «Из шести книг».

4. Слежка НКВД (Софья Островская), исключение из Союза писателей, Лев Гумилев и “Слава Миру”

Ахматова везла письмо. "Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович... В Ленинграде арестованы НКВД мой муж Николай Пунин (профессор Академии художеств) и мой сын Лев Гумилев (студент ЛГУ). Не знаю, в чем их обвиняют, но даю Вам честное слово, что они не фашисты, ни шпионы, ни участники контрреволюционных обществ..."

Письмо везла к Сейфуллиной, писательнице, ибо та, говорили, имела "ходы" в Кремль. Она действительно сразу же позвонила в ЦК и даже в НКВД. Ответили: пусть Ахматова принесет письмо в Кутафью башню, и Поскребышев, помощник Сталина, сам передаст его вождю.

Ныне известна резолюция Сталина: "Освободить из-под ареста и сообщить об исполнении", и ответ - 3 ноября письмо направлено Ягоде и в тот же день, в 22:00, арестованные выпущены...

Конечно, этих деталей никто тогда не знал. Ведь и Ахматова так и не узнает, что в 1935-м, вместе с сыном и мужем, арестовать должны были и ее. Пунин успел выдать ее на первых же допросах: "Ахматова полностью разделяла мою точку зрения на необходимость устранения Сталина..." Но санкцию на ее арест не дала Москва. В 1946 году было вынесено специальное Постановление оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» — за «предоставление литературной трибуны» для «безыдейных, идеологически вредных произведений». Оно касалось двух советских писателей — Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Их обоих исключили из Союза писателей.

Лев Гумилев, который после отбытия наказания добровольцем пошел на фронт и дошел до Берлина, снова был арестован и приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Все его годы заключения Ахматова пыталась добиться освобождения сына, однако Льва Гумилева выпустили на свободу только в 1956 году.

В 1951 году поэтессу восстановили в Союзе писателей. Никогда не имевшая собственного жилья, в 1955 году Ахматова получила от Литературного фонда дачный домик в поселке Комарово.

Гумилёв

3. африка, знакомство с императрицей, фотки животных (вывод про возвращение, ушел на войну) - ПУТЕШЕСТВИЯ - , знакомство с девушкой, она выберет другую. париж. лондон СЛОВЕСКА

Гумилёв совершил несколько африканских путешествий. Первое состоялось в 1907 году (май–июль); второе, в Абиссинию, длилось с декабря 1909-го по февраль 1910 года. Вот что писал Гумилёв М. Кузьмину в 1910 году из абиссинского города Харара: «Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом». Подобное противоречие можно заметить и в поэтике африканских образов. Африка Гумилёва — это и божественная земля, отражение рая, с глубокими христианскими традициями, и магическая, непонятная, колдовская страна. Третья, самая продолжительная поездка, была снова в Абиссинию — с сентября 1909-го по март 1911 года. Наконец, в 1913 году (апрель–сентябрь) Африканская тематика представлена у Гумилёва во всей полноте

поэтических и прозаических жанров. Это прежде всего поэтический сборник «Шатер» (1918) – апогей африканской темы, его целиком составляют африканские стихи, которые не без основания можно назвать гимнами Африке. Это и многие стихи таких книг, как «Романтические цветы» (1908), «Жемчуга» (1910), «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916). Это и «Абиссинские песни», поэма «Мик», рассказы, наконец «Африканский дневник». Важно отметить, что тема Африки в раннем творчестве – «Романтические цветы» – возникает у поэта не по живым впечатлениям, а как результат упоительного чтения, представления после прочитанных книг, как ассоциации. Одним из самых важных в образной системе Гумилёва является образ Бога. Он гармонично входит в произведения африканской тематики.

Оглушенная ревом и топотом,
Облеченная в пламя и дымы,
О тебе, моя Африка, шепотом В небесах говорят серафимы.
И, твое раскрывая Евангелъе,
Повесть жизни ужасной и чудной,
О неопытном думают ангеле,
Что приставлен к тебе, безрассудной.
Про деянья свои и фантазии,
Про звериную душу послушай,
Ты, на дереве древнем Евразии Исполинской висящая грушей.
Открывающее книгу «Шатер» стихотворение «Вступление»

4. служба в армии, смерть брата, два георгиевских креста, потом франция, где он нашел новую девушку, потом понял, что хочет вернуться к анне, но она его уже не ждет

Уже в конце августа 1914 года Николай Гумилев уходит добровольцем на фронт. Он попадает во взвод конной разведки, совершающей рейды в тыл врага, связанные с постоянным риском и опасностью. Об этом свидетельствуют документальные очерки Гумилева, который находит время между боями, чтобы писать «Записки кавалериста». Напечатаны они были в 1915 – 1916 годах в газете «Биржевые ведомости». Остались и поэтические свидетельства переживаний Гумилева в этот период. Трагические события 1917 года в России вынудили Гумилева оставить военную службу в экспедиционном корпусе в Париже. Некоторое время он живет в Лондоне, активно занимаясь литературным творчеством. Но зов Родины заставляет его в мае 1918 года возвратиться в Петроград. Поэт вернулся в совершенно иной город, в иную Россию. Но, как ни странно, в его творческом наследии мы не найдем ни одного письменного свидетельства, ни одного стихотворения, которые отражали бы его отношение к революции, к новой власти большевиков. Ни малейшего намека, ни осуждения, ни одобрения, словно он ничего не видел, ничего не слышал, ни в чем не участвовал. Гумилев устал от войны, устал от борьбы и ему хотелось нормально, по-человечески пожить. После развода с Анной Ахматовой он обретает новый счастливый семейный очаг. Гумилев ведет активную литературную жизнь: пишет стихи, издает книги, читает лекции в Институте истории искусств, в Пролеткульте, переводит баллады Роберта Саута и других зарубежных авторов. Он активно участвует в общественной жизни литераторов: в начале 1921 года Гумилева избирают (после Блока) председателем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов.

В 1918 году Николай Гумилев возвращается с фронта. Через четыре месяца Гумилев и Ахматова развелись. В 1919 году поэт уже вступил в новый брак. Он женился на Анне Энгельгардт, которая родила ему дочь. Несмотря на то, что у Ахматовой с Гумилёвым все большую часть их супружеской жизни складывались весьма прохладные отношения, для поэта это решение стало ударом. Оказалось, что он всё еще любил свою лирическую героиню Аню Горенко. Позже, когда были обнародованы их письма, можно было прочесть, что он звал Ахматову уехать за границу. А еще на фронте посвятил ей стихотворение:

*А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне, далеком,
Звонит Ахматовой сиренный стих.*

Маяковский

3. Война. Познакомился с Горьким, стал знаменитым на всю Россию. Триале и Брик.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война вызвала у Маяковского патриотический подъем, он собирался идти на войну добровольцем. Его не взяли, так как он считался неблагонадежным. Однако вскоре он понял, что война — «кровавая бессмысленная свалка, в которую ринулись народы».

В стихах о войне Маяковский резко выражал боль за человека, который стал невольной жертвой судьбы («Война объявлена», «Мама и убитый немцами вечер», «Я и Наполеон»), В стихотворении «Я и Наполеон» трагедия войны, ответственность за нее каждого и личная ответственность поэта за гибель людей показаны ярко и эмоционально. В стихах «Война объявлена» (1914) и «Мама и убитый немцами вечер» (<1914>) проявилось его отвращение к войне, к ее кровавой бессмыслице.

*«Оставьте!
О нем это,
Об убитом, телеграмма.
Ах, закройте,
Закройте глаза газет!»*

В годы войны Маяковский сотрудничал в качестве художника и автора текстов с издательством «Сегодняшний лубок». С 1915 по 1918 год поэт был постоянным автором журнала «Новый сатирик», писал стихи, в которых звучала тема социального протеста против «мерзостей жизни». В стихах, напечатанных в этом журнале («Гимн судьбе», «Гимн ученому», «Гимн взятке») сильно проявилось влияние образности и стилистики поэтов-«сатириковцев», заметное и в сатирических стихах позднего Маяковского. В эти годы Маяковский создал поэмы «Флейта-позвоночник» (<1915>), «Война и мир» (<1915-1916>), «Человек» (<1916-1917>), основным содержанием которых стал протест против буржуазных отношений, калечивших, по мысли поэта, подлинную натуру Человека. Поэмы способствовали созданию «мифа Маяковского». В нем появляется новый аспект — безнадежная любовь к женщине, наделенной именем и узнаваемыми чертами внешности и биографии Лили Брик, которая предпочитает лирическому герою-поэту человека, способного обеспечить ей бытовое благополучие.

4. Возглавление революционного движения, арест офицера

Тебе,
освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъявленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
"О"!
«Ода революции» [1918]

В поэзии Маяковского все сильнее звучат трагедийные ноты. Не примирения, а борьбы. Как личную трагедию воспринимает поэт участь миллионов людей, которых кучка "жирных" обрекает на самоистребление.

В социалистическую литературу Маяковский входит как революционный романтик, решительно отвергнувший мир капитализма, залившего кровью планету; входит, глубоко уверенный в том, что на смену этому безумному, бесчеловечному миру уже идет мир подлинных хозяев планеты и Вселенной. "О, четырежды славься, благословенная!" — такими словами встретил Маяковский Великую Октябрьскую социалистическую революцию. С Октября 1917 года начинается новый этап в его творчестве, этап, обусловленный прежде всего изменением действительности. Резко меняется тональность стихов поэта. "Ода революции", "Левый марш", "Мистерия-Буфф" — это первые образцы социалистического искусства Великого Октября

ТРЕТИЙ АРЕСТ

«Живущие у нас ведут подкоп под Таганку. Освободить женщин-каторжан. Удалось устроить побег из Новинской тюрьмы. Меня забрали. Дома нашли револьвер и нелегальщину. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть — Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и наконец — Бутырки. Одиночка № 103.»

14 апреля 1930 Маяковский покончил жизнь самоубийством. (НЕ ГОВОРИМ, ЭТО ТОЛЬКО ИНСТРУКТОРУ, ЧТОБЫ НЕ СКАЗАТЬ ФИГНИ)

Одно из последних его стихотворений, незаконченное:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут логи.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.
Бывает, выбросят, не напечатав, не издав.
Но слово мчится, подтянув подруги,
звонят века, и подползают поезда
лизать поэзии мозолистые руки.
Я знаю силу слов. Глядится пуствяком,
опавшим лепестком под каблучком танца.

Но человек душой, губами, костяком...

Мандельштам

3. переезд в квартиру Цветаевой, он ее любит, шурымкры, а у нее есть муж, хотя они писали друг другу стихотворения

В начале войны Мандельштам в романтическом порыве рвался на фронт, но по здоровью не годился для службы в армии. В 1916-м патриотические страсти 1914 года казались уже смешными, но когда речь зашла об отсутствующем муже, Мандельштам почувствовал себя неловко: Эфрон на войне, а он сидит в его доме и намеревается признаться в любви его жене. Подъезжая к Арбату, Мандельштам собирался сказать об этом Цветаевой сразу, но теперь никак не мог решиться. Объяснить свое появление тем не менее надо: он кашлянул, потер подбородок и сказал, что давно собирался посмотреть Москву. Быть может, Марина Ивановна покажет ему свой город...

Так начался их странный роман, состоявший из приездов и отъездов.

Мандельштам приехал в Александров для последнего, решительного объяснения. Он был измотан тем, что происходило между ними в последние месяцы, а Марина относилась к нему с большой теплотой, но без всякого надрыва. В маленьком домишке с видом на кладбище, косогоры с пасущимися телятами и учебный армейский плац жизнь текла своим раз и навсегда установленным чередом — влюбленный поэт был здесь не слишком нужен. Когда он приехал, ему предложили прогуляться, но Мандельштам лег отсыпаться. Он попытался было сесть в единственное кресло, но оно предназначалось Цветаевскому племяннику Андрюше, других в него не пускали. Попросил шоколада — единственная плитка оказалась детской. Но это еще можно выдержать, куда хуже была неопределенность в отношениях. Осипа томило скверное предчувствие.

Во время следующей прогулки за ними погнался бычок — все четверо бежали от него во весь дух, такого ужаса он никогда раньше не испытывал. Все это казалось ему мистическими знаками.

Его любовные дела между тем шли на лад: в Александрове он впервые поцеловал Цветаеву — еще недавно, в Петербурге, Мандельштам был бы на седьмом небе от счастья. Но теперь это выглядело по-другому: маленький домик, овраги, черемуха, бабы, с воем провожающие на фронт новобранцев.

Он не думал о том, что здешняя жизнь могла успеть надоесть Марине, что это его шанс, которого больше может не представиться. Большие поэты чувствуют не так, как обычные люди, то, что он здесь видел, представлялось не долгожданной возможностью завести роман, а знаком беды. Мандельштам поступил как Подколесин: сказал, что уезжает в Коктебель, к поэту Волошину.

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
— Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы...
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.
От монастырских косогоров
Широкий убегает луг.
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг...
Целую локоть загорелый

И лба кусочек восковой..
Я знаю — он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Еще белеет полоса.
Тавриды пламенное лето
Творит такие чудеса.
Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прижми ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.

4. Гражданская война, встреча в кафе с надеждой хазиной, их скитания по советской России (Украина, Россия и Грузия)

женитьба с хазиной

и их арест в Крыму белогвардейцами

На известие о бомбардировке немцами Реймского собора Мандельштам откликнулся стихотворением «Реймс и Кёльн»:

Шатались башни, колокол звучал —
Друг горожан, окрестностей отрада,
Епископ все молитвы прочитал,
И рухнула священная громада.

Здесь нужен Роланд, чтоб трубить из рога
Пока не разорвется Олифан.
Нельзя судить бессмысленный таран
Или германцев, позабывших Бога.

Но в старом Кельне тоже есть собор,
Неконченный и все-таки прекрасный,
И хоть один священник беспристрастный,
И в дивной целости стрелчатый бор.

Он потрясен чудовищным набатом,
И в грозный час, когда густеет мгла,
Немецкие поют колокола:
— Что сотворили вы над реймским братом?

Надежда Хазина и Осип Мандельштам познакомились 1 мая в Киеве, в клубе с оригинальным названием «Х.Л.А.М», который пользовался невероятной популярностью в творческой среде. На дворе стоял тревожный 1919 год, а Осип Мандельштам, едва переступив порог заведения, обратил внимание на хрупкую девушку. Ей было 20, ему 28,

они мгновенно почувствовали взаимную симпатию и не стали ей противиться. «Сошлись легко и бездумно», – именно так опишет впоследствии Надежда Яковлевна их первую встречу.

Уже утром 2 мая они купили два простеньких обручальных кольца и были счастливы до тех пор, пока Осипу Мандельштаму не пришлось уехать из Киева. Правда, покидая город в августе 1919 года, он обещал непременно вернуться за своей Наденькой. Он писал ей письма, называл своей радостью и мечтал о новой встрече.

Лишь спустя полтора года они встретились вновь, чтобы теперь уже не расставаться. 9 марта 1922 года они стали мужем и женой.

*Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин;
Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,
А не то веревок собери
Завязать корзину до зари,
Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.*

Надежда Яковлевна занималась редактурой, а Осип Эмильевич переводил стихи зарубежных авторов. А в 1934 году в их дом пришла беда. Кто-то донёс на Мандельштама, сообщив «куда следует», что Мандельштам написал антисталинскую эпиграмму. Ночью 17 мая 1934 года его арестовали.

Осипа Мандельштама выслали в Чердынь на три года, а Надежде позволили сопровождать мужа в ссылку. Затем супругам позволили самостоятельно выбрать себе город для проживания из списка разрешённых. Они выбрали Воронеж. И снова Надежда, как могла, пыталась скрасить существование мужа. Она создавала уют, переписывала его стихи и безропотно терпела крайнюю нужду. Ссылка закончилась, и супруги в мае 1937 смогли вернуться в Москву. Не прошло и года, как Мандельштама арестовали вновь. Снова ночь и снова в мае, на этот раз в ночь с первого на второе. Его приговорили к пяти годам лагерей.

Северянин

3) Из-за переворота в стране Северянин уезжает в Эстонию

В январе 1918 года Игорь-Северянин уезжает из Петрограда в Эстонию, где поселяется в посёлке Тойла вместе со своей гражданской женой Марией Волнянской (Домбровской). Какое-то время семейство существовало за счёт гонорара за участие «в выборах короля поэтов» и заработков М.Волнянской. Концертную деятельность в Эстонии поэт начинает 22 марта 1919 года с концерта в Ревеле в Русском театре: в первом отделении выступают Стелла Арбенина, Г.Рахматов и В.Владимиров, во втором отделении – Игорь Северянин. Всего за годы жизни в Эстонии он дал более 40 концертов. В лирике эстонского периода Северянин прославляет красоту природы своего нового дома. Он продолжает издавать книги со стихами на русском языке (например, «Creme des violettes», «Жемчужная река», 1919), печатался в альманахе «Via sacra» (1923).

*Привет республике эстляндской –
Культурной, честной и благой, –
Правленья образ шарлатанский
Поправшей твёрдую ногой!*

*Ликуйте, мудрые эстонцы,
В чьих жилах северная кровь:
Отныне солнце – ваше солнце!
Новь жизни вашей – ваша новь!
«Привет Эстонии», 1918*

В «Письме из Эстонии» он так характеризовал этот край:

*Ты, край святого примитива,
Благословенная страна.
Пусть варварские времена
Тебя минуют. Лейтмотива
Твоей души не заглушит
Бедлам всемирных какофоний.
Ты светлое пятно на фоне
Хаосных ужасов.*

4) Он расстаётся с эстонкой и жалеет об этом

В 1921 году, 13 ноября, тихо скончалась мать поэта, Наталья Степановна Лотарева. Не помогли и моления самого поэта:

*Боже! Господи! Великий и милостивый!
Дай пожить ей и смерть отсрочь!
Не отнимай у меня моей матери, –
Не превращай моего дня в ночь...*

Нину Степановну похоронили на тойласком кладбище. Не знаю, как дальше распорядился бы Игорь-Северянин своей жизнью, где бы он жил. Ведь в Эстонской республике русских эмигрантов, даже белых, не привечали. Вовремя встретила ему юная эстонка Фелисса, влюбленная и в него, и в его стихи, да и жившая в том же доме, где обитал поэт.

О его верной жене, «принцессе с эстонской мызы», хорошо написал все тот же Михаил Петров: «К осени 1921 года назрел конфликт в отношениях Игоря-Северянина с Марией Волнянской, причиной которого была юная Фелисса. С ее появлением в жизни поэта надолго прервалась череда "узнаваний"».

Фелисса Круут и правда занимает в жизни и в творчестве Игоря-Северянина особое место. Их брак продлился без малого 15 лет. Семья Круут надолго оградила поэта от большинства бытовых проблем. Фелисса умела быть мягкой и требовательной одновременно. Она понимала, что жизнь с поэтом требует от нее постоянной готовности к самопожертвованию. Ради мужа Фелисса пожертвовала собственным поэтическим даром. Посвященные ей стихи поэта, по сути своей, являются настоящим гимном эстонской женщине.

Фелиссике

*Мы вернемся к месту нашей встречи,
Где возникли ласковыя речи,
Где возникли чистыя мечты,
Я, увидев нашей встречи место,*

Вспоминаю дни, когда была невеста
Ты, моя возлюбленная, ты!

Под конец жизни, когда он ушел от Фелиссы, бедность перешла в настоящую нищету. Северянин, с одним только желанием хоть немного заработать, ходил по дачам и предлагал хозяйкам свой свежий улов — полтора десятка окуньков. Стучался в гостиничные номера, где остановились соотечественники, — «не купите ли книгу Игоря Северянина с автографом?..».

Гиппиус

3. Тройной брак

«В моих мыслях, желаниях, в моем духе — я больше мужчина, в моем теле — я больше женщина», — писала Гиппиус о себе. И в итоге решила, что идеальный любовник для нее — андрогин-антипод: мужчина внешне, женщина по сути. Такой человек нашелся: красавец критик Дмитрий Философов. Философов переехал к Мережковским. Тройка скрепила союз обрядом: в ночь под Чистый четверг они в особых «святых» одеждах приобщили друг друга хлебом и вином на «тайной вечере», назвали «святой троицей» и объявили начало «Церкви трех». Они прожили вместе более 15 лет. Их жизнь состояла из скандалов, мучительных выяснений отношений, разлук, пылких писем и воссоединений.

К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами, —
И улететь к лазури не могу.
Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.
Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю...

Перестарки и старцы и юные
Впали в те же грехи:
Берберовы, Злобины, Бунины
Стали читать стихи.
<...>

В «Зеленую Лампу» чинную
Все они, как один, —
Георгий Иванов с Ириною;
Юрочка и Цетлин,

И Гиппиус, ветхая днями,
Кинулись со стихами,
Бедою Зеленых Ламп.

Какою мерою поэтов мерить?

О, дай мне, о, дай мне верить
Не только в хорей и ямб.
«Стихотворный вечер в «Зеленой лампе».

4. Политические разногласия с Блоком, революция

Октябрьскую революцию Гиппиус не приняла. В статье для газеты «Общее дело» она писала: «Россия погибла безвозвратно, наступает царство Антихриста, на развалинах рухнувшей культуры бушует озверение». Гиппиус даже разорвала отношения с Валерием Брюсовым, Александром Блоком, Андреем Белым. В начале 1920 года Мережковские, Дмитрий Философов и секретарь Гиппиус Владимир Злобин нелегально перешли русско-польскую границу. После недолгого пребывания в Польше, Мережковские навсегда эмигрировали во Францию.

В Париже по инициативе Гиппиус в 1927 году было создано воскресное литературно-философское общество «Зеленая лампа», которое просуществовало до 1940 года. В доме Мережковских объединились литераторы и мыслители зарубежья: Иван Бунин и Марк Алданов, Николай Бердяев и Георгий Иванов, Георгий Адамович и Владислав Ходасевич. Они читали доклады на философские, литературные и общественные темы, дискутировали о миссии литературы в изгнании, обсуждали «неохристианские» концепции, которые развивал в своих стихах Мережковский.

В 1939 году в Париже вышла книга стихотворений Гиппиус «Сияния». Это последний сборник поэтессы: после него выходили только отдельные стихотворения и вступительные статьи к сборникам. Стихотворения «Сияния» пронизаны ностальгией и одиночеством:

Я весь, и сердцем и телом,
Тебя позабыл давно,
Как будто в доме опустелом
Закрылось твое окно.
И вот, этот звук случайный,
Который я тоже забыл,
По связи какой-то тайной
Меня во мне изменил.
Душу оставил всё тою,
Уму не сказал ничего,
Лишь острою теплотою
Наполнил меня всего.
Не память, – но воскресенье,
Мгновений обратный лет...
Так бывшее над забвеньем
Своею жизнью живет.

В 1941 году умер Дмитрий Мережковский. Гиппиус очень тяжело перенесла потерю мужа. «Я умерла, осталось умереть только телу», – писала она после смерти мужа. В последние годы жизни писательница работала над мемуарами, биографией покойного супруга, а также над большой поэмой «Последний круг», которая вышла гораздо позже – в 1972 году.

